

чает наиболее яростные нападки Жанена; он подчеркивает, что «говоря о реконструкции Софии Юстинианом, (древние. — С. К.) авторы не имеют в виду никакого иного здания, кроме здания Феодосия II»⁷⁷. Таким образом, самый принцип, что София Юстиниана была лишь реконструкцией более старой церкви, не встречает возражений со стороны Жанена.

Милле, со свойственной его работам четкостью, устанавливает, что София Констанция была не только большой, необыкновенно нарядной церковью, но что она дважды обрушивалась до пожара 404 г., причем между первым и вторым обрушением в ней уже был не деревянный, а массивный купол⁷⁸. София Феодосия II была тоже не новой постройкой, а третьим восстановлением Большой церкви Констанция, о мощной тесаной кладке которой упоминает Пасхальная хроника при описании пожара 532 г.⁷⁹ Однако авторы обычно пишут о ней как о постройке Феодосия, что и приводит к бесконечным спорам о местонахождении всех этих «церквей». Для Милле же ясно, что все они представляют лишь ряд последовательных реконструкций одной и той же церкви.

Статья Милле опубликована в 1947 г., и он, естественно, связывал все последовательные «Софии» с портиком Шнейдера, лежащим на глубине 3,6 м под атрием Софии. Если же отбросить это предположение и попытаться связать исследование Милле с поисками доюстиниановой Софии под собственным ее полом, в ее сводах, колоннах и стенах, то может оказаться, что данные, собранные Милле, будут в значительной мере содействовать дальнейшей разработке проблем, поставленных раскопками Рамазаноглу. Данные Милле очень хорошо разъяснили бы те предположения, которые напрашиваются при взгляде на недоработанные схемы Рамазаноглу, но которых он сам не только не сделал, но и упорно отвергает. По нашему мнению, схемы Рамазаноглу могли бы быть истолкованы в свете указаний древних авторов и соображений Милле в том смысле, что пяти-нефная базилика многократно перестраивалась и была покрыта куполом (не деревянным) уже до Феодосия и при Феодосии, а затем вошла в состав юстиниановой Софии в виде остатков церкви, считавшейся тогда Софией Феодосия II.

Постройка, предшествующая юстиниановой и горевшая во время восстания Ника, не была, по-видимому, уничтожена ни при пожаре, ни при последовавшей расчистке площадки под новую постройку. Это было монументальное здание с красивыми колоннами позднеимперского ионического ордера, сохранившимися на галерее юстиниановой Софии (рис. 18). Его своды были украшены росписями и мозаиками, а стены облицованы мрамором. Высокими качествами постройки и следует скорее всего объяснить то обстоятельство, что значительные ее части хорошо противостояли огню и что было решено не ломать все руины, а включить их в новую постройку.

Таким образом, ни Констанций, ни Феодосий не строили заново обрушившийся или сгоревший храм; а позднее, после первого обрушения юстиниановой Софии, в составе памятника были сохранены даже деформированные боковые подпружные арки и выпученные стены, не говоря уже о показавших свою недостаточность пилонах. Значит, практика включения старых частей в новое здание была широко распространена и в IV, и в V, и в VI вв. Но почему же тогда не согласиться с древними авторами и с предположениями Кондакова и Рамазаноглу о том, что при постройке первой юстиниановой Софии тоже были использованы те части, которые не повредил пожар Софии феодосиевой, случившийся в 532 г. во время восстания

⁷⁷ R. Janin, REB, X, p. 200, 201.

⁷⁸ G. Millet. Op. cit., p. 602.

⁷⁹ Ibid., p. 610.